КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

МАХА

или история жизни кунички

Издание четвертое,
переработанное

ПРЕСТИЖ БУК
МОСКВА • 2019

ББК 84-44 (2 Рос)
УДК 821.161.3-93
З 59

Зиганшин, К.Ф.
З 59 **Маха или история жизни кунички** / Камиль Зиганшин. — 4-е изд., перераб. М.: Престиж Бук, 2019. — 64 с., илл.

ISBN 978-5-371-00710-7

Повести Камиля Зиганшина об обитателях тайги покоряют своей искренностью, знанием повадок и характеров «братьев наших меньших».

Идя навстречу многочисленным пожеланиям, издательство с большим удовольствием переиздает эти полюбившиеся читателям повести.

Любите природу и ее обитателей — вот лейтмотив всех книг Зиганшина.

ББК 84-44 (2 Рос)
УДК 821.161.3-93

ISBN 978-5-371-00710-7

© Зиганшин К.Ф., 2019
© Билалова С.Б., иллюстрации, 2019
© ООО «Престиж Бук», 2019

Памяти сына Олега
посвящается

1

В глубоком, просторном дупле было сухо, сумрачно. На дне мягко пружинила подстилка из длинных прядей лишайника.

Четверо еще слепых щенят куницы, покрытых коротким младенческим пухом, лежали плотным клубком и беспечно посапывали. Время от времени один из малышей сонно, с трудом удерживая непропорционально большую головку, потягивался и, бесцеремонно расталкивая остальных, жадно тыкался мордочкой в набухший молоком сосок. Остальные, словно по команде, поднимали дружную возню и следовали его примеру.

Накормив несмышленышей, куница осторожно вставала и выскальзывала наружу. Подкрепившись первой попавшейся дичью и полакав студеной ключевой воды, она без задержки возвращалась в дупло. Ненасытное потомство

взволнованно сопело, попискивая тянулось к матери и, прижавшись к теплому боку, успокаивалось.

Кунята росли быстро. Нежные шубки день за днем густели. На головках потешно затопорщились треугольные ушки. Вскоре прорезались черные глазенки, и малыши все чаще с любопытством поглядывали на смутно белеющий вверху лаз. Через него врывались незнакомые будоражащие запахи, доносился невнятный шум тайги.

Самая маленькая, но в тоже время и самая подвижная кроха — Маха — уже не единожды пыталась дотянуться до кромки дупла, чтобы глянуть в таинственно шумящее окошко, однако всякий раз бдительная мать сердито уркала на любопытную дочь и стягивала ее вниз.

В дупле с каждым днем становилось теснее. Наконец, настал момент, когда куница сама вывела малышей в огромный, многоцветный, многоголосый мир, поощряя одобрительным поуркиванием смелых и подталкивая лапой робких. Судорожно цепляясь слабыми коготками за выступы ребристой коры, жмурясь от слепящего света, кунята потихоньку спустились на землю. С интересом огляделись и обступили мать, трепавшую хохлатого рябчика, пойманного ею накануне.

Куница отгрызла петушку голову и легонько подтолкнула ее к малышам. Те, давя друг друга, в ужасе отпрянули, но когда невольный испуг

прошел, первой, боязливо переступая и вытягивая шею, приблизилась к аппетитно пахнущему комочку Маха. Обойдя его кругом, малышка сначала осторожно потрогала, а затем поддела петушиную голову лапкой. Та покатилась с бугорка в траву, и осмелевшие кунята дружно кинулись за «убегавшей» добычей.

Один за другим мелькали дни беззаботных игр и безмятежного сна под надзором матери. Спускаясь на землю, покрытую толстым слоем хвои, шалуны часами изображали охотников.

Гоняясь друг за другом, они проворно карабкались на деревья, скаля острые зубки, устрашающе уркали на «врага» и, шлепнувшись вниз, затаивались в траве. Затем, пластаясь по земле, выслеживали «дичь», выждав удобный момент, нападали и опрокидывали ее на спину ударом передних лап. Яростно кусались, не причиняя, однако, друг другу вреда.

Маха, несмотря на изящное и, казалось, хрупкое телосложение, была заводилой всех потешных потасовок и с завидной ловкостью отбивалась от более рослых братьев.

Убегая в пылу игры все дальше и дальше, кунята изучали окрестности. Скоро они уяснили, что мелкие, но голосистые птахи, шустрые бурундуки, доверчивые рябчики, проныры-мыши не опасны. Мать часто ловила эту живность и приносила подрастающей детворе для охотничьих забав.

Непоседе Махе, первой побывавшей на окраине просторного, светлого бора, не терпелось

узнать, что скрывается в примыкающих к нему непролазных зарослях черемухи, но она пока не решалась покидать обжитые пределы.

Однажды, на исходе теплого, тихого дня, когда мать ушла на охоту, Маха все же набралась смелости и шагнула в таинственную чащу.

Там, в глубине тенистого царства, куничка услышала глухой шум. Сквозь ветви блеснул упругий поток, падавший с двухметрового уступа. Кипевшая в каменном котле вода гоняла крутые буруны, закручивала глубокие подвижные воронки. Солнце дробилось в этой кипени тысячами лучистых зайчиков.

Ниже по течению ручей успокаивался, раздавался вширь и лениво струился мимо живописных заводей. На зеркальной глади мигали круги от жирующей рыбы, царственно колыхались плоские чашечки кувшинок, плавали утки, лихо скользили между хлопьев пышной пены водомерки. В прогретой воде песчаных отмелей сновали стайки мальков. По противоположному берегу суетливо перебегали с места на место длинноносые кулички. Маленькая путешественница завороженно разглядывала новый для нее мир. Вдруг неведомое прежде чувство предупредило ее об опасности. Обернувшись, увидела злые колючие глаза незнакомого зверя.

Это была норка. Прежде чем вывести на прогулку свое потомство, та выбралась из подземного убежища на разведку. Глядя в упор, норка с воинственным стрекотом бросилась на кунич-

ку. Бедняжка попятилась, затравленно оглядываясь — куда деваться? Позади вода, а впереди — ощерившийся враг. Резко оттолкнувшись от гальки, Маха в невообразимом прыжке перелетела через голову окаменевшей от неожиданности норки и скрылась в спасительных зарослях...

Как-то утром обитателей соснового бора, погруженного в легкий туман, разбудила не птичья разноголосица, а громкие, грубые голоса. Встревоженная куница-мать выглянула: к их жилищу приближались двуногие существа с котомками, связками ремней и веревок. Шествие возглавлял лопоухий пес.

Бортники-башкиры, а это были именно они, шли к давно намеченной сосне делать борть для нового роя диких пчел. Подойдя к дереву, один из них начал привычно подниматься по толстому стволу, ловко вскидывая вверх кожаный пояс, жесткой полудугой охватывавший золотисто-рыжую колонну. Люди то и дело переговаривались, смеялись.

Куница, чуя беду, припала к подстилке. Настороженно, до боли в ушах вслушивалась она в нарастающий шум. Волнение матери передалось малышам. Они притихли и сбились в кучку.

Поднимаясь, бортник то и дело простукивал ствол обухом топора. Сильные, гулкие удары заставляли зверьков сжиматься от страха. Охристая древесная пыль слетала со стенок дупла и нестерпимо щекотала нежные ноздри.

Тем временем верхолаз обнаружил дупло. Он сунул в него руку и, коснувшись мягкого пуха, непроизвольно отдернул ее, но было поздно. Как ни велик страх куницы перед человеком, инстинкт материнства оказался сильнее — сделав молниеносный выпад, она вонзила две пары острых, словно шило, клыков в палец бортника.

От боли и неожиданности человек вскрикнул, выдернул руку с вцепившейся куницей и стряхнул ее резким, энергичным взмахом прямо в лапы подскочившей к дереву собаки.

Грудастый кобель прижал ее к земле, пастью схватил поперек тела и, прежде чем прозвучал запоздалый окрик хозяина, прокусил голову.

Бортник отнял у пса обмякшего зверька. Обдувая редкий летний мех, он с сожалением оглядел понапрасну загубленную лесную красавицу. Досадливо кряхтя, убрал случайный трофей в котомку.

Тем временем его напарник притянулся к стволу поплотнее, обмотал окровавленный палец платком, отломил ветку и стал тыкать ею в дно дупла. Кунята, уворачиваясь от болезненных уколов, тонко верещали. Бортник надел на руку видавшую виды шляпу и, действуя ею как клешней, поочередно выудил из гнезда и засунул в мешок трёх отчаянно извивающихся малышей.

Мягкая холщовая полость подействовала на пленников странным образом: они присмирели и успокоились.

Оживленно обсуждая непредвиденную охоту, бортники поставили на стволе тамгу — родовой знак в виде двойного угла, и ушли восвояси, довольные тем, что обзавелись готовой новой бортью (обычно ее приходится вырубать целый день) и заодно избавили трудолюбивых пчёлок от опасных соседей — куницы обожают мед и не упустят случая полакомиться им.

Молодых кунят, по совету егеря, они отдали работникам расположенной неподалеку звероферм ы.

Бортники и не подозревали, что в дупле осталась Маха. Когда мать столь необыкновенным образом покинула гнездо, она глубоко втиснулась в выщерблину между ребрами дупла и, не шелохнувшись, просидела там до захода солнца.

Все это время ее никто не беспокоил. Куничка осмелела и, вслушиваясь в монотонный гул леса, решилась выглянуть. Небо было еще прозрачным и просторным, но в тайге уже сгустились сумерки. Не приметив ничего подозрительного, Маха опасливо спустилась на землю.

Над травой толклась мошкара, звонко зудело комарье; пискнула и неслышно исчезла во тьме летучая мышь; из-за гребня почерневших гор проклюнулся клыкастый месяц — в лесу всё шло своим чередом.

Недалеко от сосны влажный носик Махи учуял родной запах. Куничка взволнованно заметалась, а найдя клочки материнской шерсти, обеспокоилась еще больше. Упорно рыскала она между переплетений обнаженных корней, но не находила иных следов и запахов. Тоска и отчаяние охватили осиротевшую малышку.

Внезапно Маху обдало воздушной волной, и жгучая боль пронзила бок. Над головой бесшумно, словно призрак, взмыл к угольно-черным макушкам сосен промахнувшийся филин. Куничка запоздало шарахнулась в сторону и помчалась напропалую вниз по косогору, прочь от страшного места. Вслед жутко заухал раздраженный неудачей налетчик.

Прыгая через валёжины, пни, рытвины, травянистые кочки, кубарем скатываясь с крутых откосов, Маха выбилась из сил. Мокрая, исхлёстанная ветвями, в изнеможении она забралась под выворотень. Отдышавшись, зализала горевшую огнем рану и обессилено вытянулась.

Выкатившийся на уже поголубевшее небо пылающий диск солнца залил тайгу живительными лучами. Пучки света, профильтрованные кронами деревьев, зажгли росистую траву, заиграли радужными искорками водяного бисера, нанизанного на тонкие нити паутинок.

Зорянка пробудилась ото сна и сыграла на звонкой флейте побудку. Ей в ответ со всех сторон затенькало, засвистело, и вскоре сводный лесной оркестр зазвучал в полную силу. Лежав-

шую ничком куничку разбудил шорох — это припозднившаяся ежиха с вереницей ежат продиралась сквозь голенастые стебли травы.

Из-под выворотня на куничку неприветливо поглядывал паук. Между корней тяжко ворочался, поблескивая матовой броней, жук-олень. Однако все это не интересовало Маху. Она с щемящей тоской вспоминала мать и веселых, задиристых братьев. Где они сейчас? Что с ними? Кругом витает столько запахов, но все чужие, незнакомые.

От потрясения и изматывающего бега Маха даже после отдыха имела жалкий вид. Мышцы все еще подергивались, кровь на боку запеклась, шерсть слиплась.

Глядя из своего укрытия на бегающие по дну говорливого ручья солнечные блики, она ощутила нестерпимую жажду и голод. Жажду утолила легко, а вот добыть что-либо съедобное ей не

удавалось. Наконец, после долгих поисков Маха заметила прошмыгнувшую в норку остромордую мышку. Куничка мгновенно преобразилась. Выразительные черные глазки алчно заблестели, по шубке словно пробежал электрический ток, мышцы напряглись, наливаясь силой.

Маха вспомнила, как мать в таких случаях затаивалась у входа и, не шевелясь, поджидала появления хозяйки норы. Теперь маленькая куница сама точно так же притаилась в траве в томительном ожидании. И когда ничего не подозревавшая мышь выбралась на свет, Маха придавила ее к земле.

Не имея опыта, охотница принялась что есть силы мотать и энергично встряхивать жертву до тех пор, пока та, наконец, не стихла. Опьяненная кровью куничка в восторге несколько раз высоко подпрыгнула над своей первой добычей. Эх, видела бы ее победу мама!

Так закончилось детство, и началась самостоятельная жизнь Махи.

Поев, воодушевленная успешной охотой, куничка взобралась на скалистую террасу. Надо было оглядеться и решить, оставаться тут или искать для жительства более подходящее место.

Перед ней простиралась межгорная впадина, окруженная пологими увалами с запада и зубчатой цепью гор с востока. С их ломаных граней, поросших кудрявыми соснами и островерхими елями, стекали светло-серыми языками каменные осыпи. Широкое дно впадины покрывал

лиственный лес, разделенный извилистой нитью ручья на два неровных ломтя.

Учуяв на спуске с террасы метки других куниц, неопытная Маха решила, что и ей тоже можно здесь поселиться и устроилась отдыхать в дупле сучковатой старой ели.

Когда освеженная сном куничка выглянула наружу, то увидела в закатных лучах солнца рыжую акробатку-белку. Та раскачивалась на ветке соседнего дерева, ухватившись за нее одной лапкой, затем легко перевернулась в воздухе колесом и помчалась вверх по стволу. С завистью провожая ее взглядом, Маха заметила на стоящей неподалеку березе искусно сплетенную чашу гнезда. Перепрыгнув ближе, обнаружила в нем голубоватые яйца. Подлетевший зяблик с криком заметался, запорхал вокруг, но был не в силах остановить грабительницу. Прокусив скорлупу, куничка, жмурясь от удовольствия, пила содержимое. С этого дня она уже не упускала возможности полакомиться яйцами, а порой и птенцами. Правда, не всегда ее набеги оставались безнаказанными: приметив как-то гнездо горлицы и убедившись, что хозяев нет, Маха спрыгнула к небрежно сооруженному из сухих веточек гнезду-настилу. Два писклявых пуховичка, широко раскрыв клювы, настойчиво требо-

вали пищи. Куничка не успела даже протянуть вооруженную когтями лапу, как на нее налетел крылатый вихрь. Яростные, болезненные удары клюва по темени сразу остудили охотничий пыл разбойницы. Спасаясь, она поспешила укрыться в густом кустарнике.

2

Время шло. Повзрослевшая куничка узнала, где находятся излюбленные места кормежки рябчиков, куда улетают они отдыхать на ночь, какая куча хвороста изобилует мышами, в каком ельнике обитают белки, под какими пнями вырыты норки бурундуков. Изучила повадки своей добычи. Научилась ловить и быстро расправляться с ней. В ее движениях появились непринужденная легкость и грация. В характере — выдержка и самообладание.

Теперь Маха подолгу гоняла белок, соперничая с ними в быстроте и ловкости. Однако нападать на них пока не решалась.

Однажды куничка обнаружила хорошо натоптанную тропинку. Природное любопытство погнало ее посмотреть, что там может быть интересного? Пробежав по чернолесью, Маха поднялась на сухой взлобок, покрытый оспинами свежих ямок, выветрившимся пометом, покусанными ветками и обглоданными костями. Чуть дальше, между отполированных снизу стволов резвились большеголовые волчата.

Маха смекнула, что встреча с ними не сулит ничего хорошего, и немедля повернула прочь от волчьего логова. Интуиция подсказала, что тропинкой уходить не следует. Взобравшись на расщепленную ветром ольху, куница пошла верхом. И благодаря этому избежала встречи с матерым волком, спешившим с добычей к своему прожорливому семейству.

Все реже и реже спускалась куничка на землю, где на каждом шагу подстерегала опасность. Только на деревьях, в зелёном пологе леса, Маха чувствовала себя уверенно. Птицы и белки, обитавшие здесь, завидев ее, поднимали тревожный гвалт и в панике разлетались, разбегались кто куда.

Маха вытянулась, стала выше и крепче. Шубка, покрывавшая стройное мускулистое тело, приобрела приятный бежевый оттенок, шею и грудь украсило желто-кремовое пятно, рана на боку зажила, подернулась нежным пушком. Ощущение одиночества и беспомощности прошло. Маха стала полновластной хозяйкой верхнего яруса леса.

Во время дневного зноя она предпочитала дремать в прохладе дупла. Но как только стихал птичий гомон, Маха, не обращая внимания на вопли филина, выходила на охоту.

В один из таких вечеров, спускаясь вдоль ключа к отлогому берегу реки, куница услышала треск и густой шум падающего дерева. Маха встрепенулась и, мигом взлетев на громадный вяз, по-гусиному вытянула шею, пытаясь рассмотреть место,

откуда донесся шум, но частая листва скрывала от нее низкий берег.

Размашисто прыгая по ветвям, куница перебралась поближе. Слабый ветер мягко шелестел листвой и скрадывал шум прыжков.

На краю узкой прибрежной гривки, сплошь заросшей тальником, над поваленным деревом горбились черные силуэты — два солидных бобра

сосредоточенно объедали молодую сочную кору только что сваленной ими осины. В глубине леса хрустнула хворостина под чьей-то неосторожной лапой. Пугливые звери мгновенно встали столбиками. Настороженно огляделись. И, более полагаясь на слух, чем на зрение, нырнули в заводь, предупреждая остальных членов колонии об опасности мощными и хлесткими, как выстрел, ударами чешуйчатых хвостов о воду. Брызги взметнулись ввысь, и отраженный лик луны разлетелся на желтые осколки.

Лес ответил еще большим переполохом. Какой-то, скрытый непроглядной тьмой, таежный исполин испуганно хоркнул и, с оглушительным треском тараня глухолесье, понесся прочь. Шум быстро распространялся вширь, но, удаляясь в глубь чащобы, постепенно стих.

Приближался рассвет. Река облачалась в молочные одеяния. Ели на противоположном берегу постепенно исчезали в волнистой мгле, словно таяли, и вскоре лишь верхушки самых высоких торчали из тумана, точно молоденькие елочки на заснеженном поле. От воды потянуло промозглой сыростью. Зябко передернувшись, Маха побежала было по откосу на сухое продуваемое взгорье, как вдруг в глубине кроны ближней березы бестолково захлопал крыльями рябчик.

Куница сноровисто вскарабкалась по гладкому, в черных отметинах стволу к спящему выводку. Цапнула подвернувшуюся курочку, но, не удержавшись на ветке, неуклюже шмякнулась

вместе с добычей на землю. От сильного удара разжала коготки и выпустила рябуху. Той бы сразу взлететь да раствориться в лесных крепях. Ан нет! Глупая, тоненько запищала и, путаясь в траве, суматошно засеменила прочь. Маха настигла ее одним броском.

Хорошенько подкрепившись, куничка перешла через ручей по поваленной лесине, как по мостику, на другой берег, где мелькнула пара куниц. Махе и прежде попадались их следы, но она не решалась встретиться с ними.

Увидев незваную гостью, парочка, угрожающе застрекотав, бросилась ей навстречу. Несдобровать бы Махе, если б не отчаянное бегство. Разъяренные хозяева участка преследовали ее до тех пор, пока не выдворили за пределы своей вотчины. Маха поняла, что у каждой куницы своя территория и ей надо искать место, где нет соплеменниц.

Выскочив на усеянное крупной галькой ложе речки, она припустила без оглядки вверх по стиснутому крутобокими сопками сухому руслу.

Гонимая паническим страхом, она уходила все дальше и дальше. За спиной уже осталось немало кривунов и скалистых прижимов, когда до нее донёсся мощный гул. Маха еще долго бежала, прежде чем увидела глубокий разлом-колодец, в котором с ревом, дымясь летучей моросью, бесследно исчезала река.

Взобравшись по груде каменистой осыпи на лесистую кручу, Маха заметила сквозь просветы

между ветвей планирующего к основанию пушистой лиственницы небольшого зверька в серой бархатистой шубке. Это была безобидная белка-летяга. Куница бросилась к комлю дерева в расчете перехватить ее на месте посадки, однако летяга в последний миг выполнила замысловатый вираж и приствolилась метрах в шести, но не успела она вскарабкаться и до середины ствола, как ее все-таки настигли клыки ловкой разбойницы.

Осваивая новые владения, Маха набрела на затерявшееся в горах озерцо. И сразу же в зарослях осоки взяла свежий след жировавших беляков. Зайчиха, пытаясь отвести нависшую беду от потомства, сделала три гигантские сметки в сторону и с силой забарабанила передними лапами о землю. Но поздно, куница уже причуяла затаившихся малышей. Играючи поймала и тут же съела одного из них. Насытившись, стала великодушной и остальных, разбежавшихся в суматохе, разыскивать поленилась...

Незаметно пролетело лето. Вот уже первый заморозок, возвещающий о скором увядании природы, выбелил травы и запалил по склонам

сопок многоцветные костры. На изумрудном хвойном поле, усеянном плотными смолистыми шишками, желтым пламенем заполыхали березы, осины. Яркими мазками заалели гроздья рябины, плоды шиповника. Во мху под елями сочно краснела брусника. Зазывающе кокетливо кивали рогатые букетики лещины. Колонии опят сплошь покрыли пни и валежины.

Все обитатели леса жировали на богатых кормах, готовясь к длинной зиме. Маха частенько посещала излучину реки, сплошь заросшую черемухой, и вот однажды, когда она забралась в самую гущу и принялась с удовольствием поедать остатки вяжуще-сладких ягод, неподалеку кто-то шумно засопел. Маха резко обернулась. На старой разросшейся черемухе колыхались ветки. Одна из них изогнулась и, описав крутую дугу, замерла между стволов, где на «троне» из веток восседал медведь. Причмокивая и довольно урча, он отправлял в громадную пасть подвявшие черемуховые кисти. Косолапый не утруждал себя лишними движениями и просто заламывал ветки.

Насторожив ушки, время от времени поглядывая на косматого громилу, Маха торопливо набила желудок и, не задерживаясь, вернулась на продуваемый увал...

День ото дня холодало. Порывистый ветер безжалостно срывал поблекшие листья. Обгоняя всклокоченные тучи, потянулись на юг, в теплые края, разномастные птичьи косяки. Привольно жилось теперь Махе в поредевших кронах. Похо-

лодание принесло приятные перемены — исчезли, наконец, докучливые кровососы. Разоряя по ночам беличьи гнезда, она все реже спускалась на землю.

С наступлением темноты тайга оглашалась трубным ревом. Зычные, басовитые ноты, набирая мощь и силу, звучали слитно, напористо. Накаляясь первобытной страстью, рев взвивался до

трепетно вибрирующих переливов и, не выдерживая напряжения, как бы скалывался, захлебывался шумным, сиплым стоном. Тайга и небеса на мгновенье замирали и откликались стозвучным эхом.

Это благородные олени-маралы, переселенцы с далекого Алтая, вызывали соперников на честный бой. Маху их могучий рев не пугал, а когда он раздался совсем близко, то врожденное любопытство погнало ее туда, где на краю опушки, выбеленной луной, горделиво запрокинув на спину ветвистые рога ревел красавец бык. Рядом мирно паслись три ланки. Оборвав рёв на низком протяжном стоне, марал от избытка чувств запустил рога в заросли орешника и принялся крутить ими, спутывая ветки в узлы и тут же разрывая их на части.

В это время со стороны сопки послышался нарастающий треск. Маха проворно вскарабкалась на вершину сосны и оттуда увидела, как на открытый пятачок из леса выломился еще один бык. Белые, острые кончики его рогов угрожающе поблескивали.

Налитые кровью глаза горели как угли, ноздри трепетали, шерсть на загривке дыбилась. Увидев хозяина гарема, пришелец протрубил вызов, нацелил на соперника рога и, изнемогая от ярости, с силой забил копытами о землю. Угроза не подействовала, и тогда он ринулся в атаку, рассчитывая обратить хозяина в бегство, а самому завладеть ланками. Разогнавшись, он попытался боднуть острыми пиками незащищенный литой

бок соперника. Но опытный боец отскочил в сторону и ответил точным, сильным ударом. Холостяк не устоял, повалился, но, быстро вскочив, вновь ринулся на противника. Оглушительный треск рогов то и дело заставлял вздрагивать Маху. Олени, сдавленно хрипя и фыркая, то разбегались, то вновь сшибались и, скрестив рога, топтались по кругу.

Трава на месте сражения была уже выбита копытами до земли. От разгоряченных, почерневших от пота тел поднимался пар. С губ хлопьями слетала пена.

Статный пришелец горячился, нападал безостановочно, но чувствовалось, что он выдыхается. Не так стремительны стали атаки, и он едва успевал уворачиваться от ответных ударов. Взмыленные бока ходили ходуном. Розовый язык вывалился наружу; рана на груди кровоточила.

Закаленный в турнирных боях хозяин гарема отбивался хладнокровно. Воспользовавшись тем, что соперник попытался перевести дух, неожиданно мощным броском оттеснил конкурента в кусты и, сделав резкое движение сильной шеей, повалил его наземь. Вскинулся на дыбы. Еще мгновение — затопчет, иссечет пришельца острыми копытами, но бессмысленная жестокость не в чести у животных.

Оставив посрамленного быка, он вернулся в общество притихших маралух, оглашая окрестности ликующим победным кличем. Поверженный соперник медленно поднялся и, не оглядыва-

ясь, удалился к глухой старице зализывать раны и восстанавливать силы, питаясь мясистыми стеблями и корневищами сусака*.

3

Дни становились все короче, а ночи длиннее и холоднее. В тех местах, где ручей замедлял бег, берега уже обметало узорчатым ледком. Пронизывающий ветер обжигал черные оголенные ветки. Зима стучалась в помертвевший лес.

Высунувшись однажды из дупла, Маха не признала окрестностей. Чего-то белого, незнакомого навалило сразу столько, что тайга совершенно преобразилась. Земля как бы приподнялась, а деревья опустились, стали ниже. Ветви, кусты, валежины, заплыв белым «жиром», растолстели. Нижние лапы елей, согнувшись под тяжестью покрова, образовали покатые шатры — удобные прибежища для обитателей леса.

Маха сначала понюхала, потом полизала белые переливчатые блестки. Осторожно ступила на неслежавшийся пух, попоной укрывавший толстый сук. Он податливо сминался, слегка хрустел и приятно холодил лапки.

Сверху на спину серебром посыпалась кухта**. Куница с непривычки поежилась и брезгливо отряхнулась. Упругая волна прокатилась по

---

* *Сусак* — съедобное растение, растущее на берегах водоемов.

** *Кухта* — снег, падающий с веток.

роскошной зимней шубке, которую теперь тоже было не узнать. Глянцевая ость мягко струилась, мерцала янтарными искорками. Густая подпушь должна была надежно защитить от морозов и ветров.

Сообразив, что теперь лучше ходить понизу, Маха спрыгнула на белый волнистый покров и глубоко погрузилась в мягкую перину. Выбравшись, с удивлением осмотрела ямистый след и, приноравливаясь к снежной рыхлости, отправилась в ельник, где частенько удачно охотилась на рябцов.

Пробегая через бурелом, она столкнулась с ярко-охристым зверьком в черной «маске». Оба замерли, напрягшись, как туго закрученные пружины. Немигающим взглядом долго прощупывали друг друга, старательно цедя носами морозный воздух.

Рыжий колонок был на редкость злобным и агрессивным созданием. Держался вызывающе, однако, уступая Махе в силе, не осмеливался напасть первым. Видя нерешительность дальней «родственницы», он, воинственно выгнув спину, свирепо ощерился и, резко прострекотав, все же сделал несколько устрашающих выпадов. Не довольствуясь этим, обдал куницу скверно пахнущей струёй и только тогда нырнул в снег, где чувствовал себя словно рыба в воде.

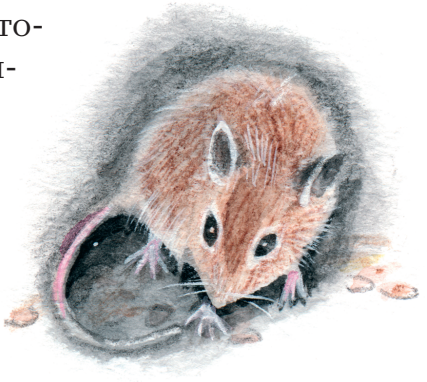
Обежав ельник, в котором обычно хоронился табунок рябчиков, Маха с удивлением обнаружи-

ла, что лесных курочек, отдыхающих по ночам под прикрытием еловых лап, нигде нет. Не успела поразмыслить над тем, куда могла запропаститься ее любимая добыча, как снег перед ней покрылся белыми снопами взрывов: обдавая куницу искристой пылью, из-под её лап выпархивали рябчики. Встревоженные подозрительным хрустом, они рассаживались на деревьях и, внимательно наблюдая за своим извечным «пастухом», перелетали в глубь леса, как только он пытался приблизиться. Кожистые наросты на лапках рябчиков к зиме отвердели, и птицы без труда могли сидеть даже на обледенелых ветках.

Маха быстро усвоила, что рябцы, набив за день березовыми почками полный зоб, вечером прямо с дерева ныряют в пышные сугробы и сидят там всю ночь, пока восходящее солнце не ослабит мороз. Под снегом тепло и безопасно: к убежищу ни единого следа — попробуй-ка найти! Только опытный глаз может отличить лунку лесной курочки от вмятины, оставленной свалившимся с ветки снежным комом. Научившись распознавать спальни рябчиков, Маха тем не менее за зиму всего несколько раз сумела полакомиться их белым нежным мясом: осторожные птицы делали под снегом боковые ходы, и она зачастую прыгала на пустую лунку.

При неудачной охоте на рябцов или белок куницу выручали мыши. Приблизившись к куче хвороста или валежин, Маха слушала, откуда донесется писк мышиной братии, и, определив это

место, исчезала в сугробе, чтобы вскоре появиться с добычей. Пары мышек ей хватало, чтобы насытиться.

В стужу, когда прокалившиеся на морозе стволы звонко лопались, Маха становилась малоподвижной и, если перед этим охота была успешной, не выбиралась из логова сутками.

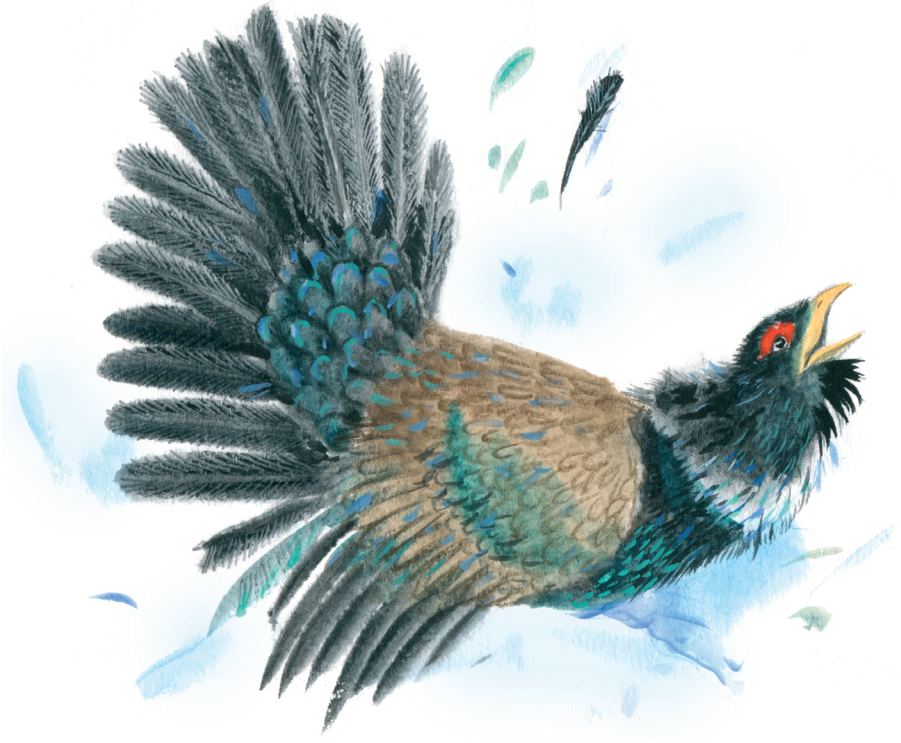
После одной из таких вынужденных отсидок проголодавшаяся куница заметила лунку непривычно большого размера и, перейдя на мелкий шаг, подкралась к ней. Из-под снега исходил аппетитный запах громадной бурой птицы, которую Махе доводилось видеть на соснах, где та поедала длинную хвою. Это был запах глухаря.

Долго стояла куница с приподнятой лапой. Взволнованно принюхивалась к дразнящему аромату. По телу волнами прокатывалась пьянящая охотничья страсть. Близость добычи манила. И все же, несмотря на голод, Маха робела, догадываясь, какая сила таится в пернатом гиганте. Наконец воспоминание о том, как испуганно отлетали, завидев ее, глухари, придало куничке решимость. Останавливаясь через каждые три-четыре шажка, она подкралась к спальне и, чуть поколебавшись, всё же нырнула в снег.

Застигнутый врасплох петух, энергично хлопая тугими крыльями, выметнулся из сугроба

и, обвитый, словно змеей, длинным мускулистым телом Махи, понесся по снежной целине. С трудом оторвался и, лавируя между ветвей, полетел сквозь лес, медленно набирая высоту. Тем временем две пары длинных клыков все глубже вгрызались в его шею.

Пытаясь языком вытолкнуть набившиеся в пасть перья, Маха ослабила хватку. Глухарь в то же мгновенье взмыл вверх и перекувыркнулся в воздухе. Когти охотницы предательски заскользили по плотному оперенью. Воодушевленный петух принялся закладывать такие крутые виражи

и спирали, что куничка едва держалась: полетела было вниз, но в последний миг все-таки исхитрилась вцепиться зубами в длинные хвостовые перья и запустить крючковатые когти в огузок.

Истекая кровью от ран на шее, скованный висевшей на хвосте хищницей, глухарь неуверенно тянул над макушками деревьев. Но и у куницы силы иссякали, мышцы от невероятного напряжения свело болезненной судорогой.

В это время птицу, зацепившуюся крылом за вершину сосны, резко повело в сторону. На сей раз измотанная куница не удержалась и сорвалась в снег. Освободившийся от ноши, глухарь выправился и спланировал к устью распадка. Но жизнь вместе с горячей струйкой крови уже покидала пернатого красавца.

Маха выбралась из сугроба и с неожиданным для себя проворством побежала на шум бившейся в агонии птицы. Ожесточенная поединком, она рвала и трепала уже мертвого глухаря. Перья летели по ветру, словно хлопья сажи.

Утолив голод, удачливая охотница насилу затащила остатки добычи под заснеженную валежину. Нагребла подстилку из сухой травы, листьев и провела в потаенном убежище несколько беззаботных дней. На лопатках и животе у нее впервые появился жирок.

На исходе четвертого дня ее сытый покой нарушил заливистый лай. От резких, пружинистых прыжков белки, преследуемой собакой, с еловых лап срывался и повисал меж стволов облачками

мелкий снег. Вот изнуренная беглянка затаилась. Сухо щелкнул выстрел, и подошедший на лыжах охотник вынул из сугроба убитого зверька. Лай, удаляясь, понесся к другой стороне распадка. Зверобой торопливо заскользил следом.

Дождавшись сумерек, Маха, тревожно озираясь, выбралась из укрытия. Со стороны ручья ветер нес едкий запах дыма. Среди черных стволов мелькнул страшным глазом костер — неизменный спутник человека. Появление его в лесу не предвещало ничего хорошего. Однако обленившаяся от сытости и покоя куница отогнала недобрые предчувствия и, побегав немного, юркнула в ближайшее дупло. Беспечно свернулась там калачиком и, накрывшись, как одеялом, пушистым хвостом, уснула.

Когда на востоке проклюнулось холодное тусклое солнце, охотник, ушедший давеча слишком далеко от деревни и вынужденный заночевать в лесу, быстро собрался и, подгоняемый морозом, заспешил домой. Аккуратная строчка свежих следов, пересекавшая его вчерашнюю лыжню, сразу привлекла внимание.

— Куница! Вот это удача! Сезон только начался, а богатая добыча прямо под носом бегает, — обрадовался охотник, а увидев, как близко прошли они вчера от покинутого куницей убежища, набросился на пса:

— Ну и бестолочь ты, Актабан! Куда глядел? Куница рядом была, а ты белок считал! Ну, ничего, от нас не уйдешь!

К их счастью, раздобревшая куница верхом почти не ходила, и пес, взяв выходной след, быстро нашел ее новое пристанище. Нетерпеливо взлаивая и скуля, Актабан старательно заскреб когтями кору заиндевелой сосны. Охотник сразу разглядел на высоте пяти-шести метров чернеющий пятачок дупла.

Унимая волнение, он скинул котомку, прислонил к ней ружье. Несколько раз шарахнул обухом топора по ровной, без единого сучка, бронзовой колонне. Пугливые снежинки окутали сосну, покрыли серебристой пылью человека.

Маха затаилась крепко и ничем не обнаруживала своего присутствия. Это обстоятельство не смутило промысловика. Он срубил молодую ель, окоротил разлапистые ветки и, прислонив ее к стволу, поднялся по ней, словно по лестнице.

Надев на рукавицу брезентовую верхонку, запустил руку в дупло сначала по локоть, а затем, скинув телогрейку, по самое плечо, но до дна так и не дотянулся. Заткнув лаз шапкой, он простучал ствол топором и по звуку определил нижнюю границу полости. Вырубил отверстие и с надеждой пошарил в нижней части дупла, но Маха молча увернулась и вскарабкалась по губчатой трубе наверх.

Спустившись на землю, человек вынул из котомки сетчатый «рукавчик», скобки и несколько завитков бересты. Срезал прутик чуть длиннее «рукавчика». Заострил с одного конца и расщепил с другого. Открытый конец ловушки прикре-

пил скобами к верхнему лазу, а глухой оттянул рогулькой перпендикулярно к стволу. В прорубленное снизу отверстие сунул горящую бересту и стал терпеливо ждать. У подошвы сосны, повизгивая от возбуждения, вертелся пес. Сухая труха стенок затлела, наполнила дупло удушливым чадом. Из верхнего лаза потянулась струйка синего, вперемежку с черным дыма.

Во рту у Махи стало вязко и горько. Казалось, минуты ее жизни сочтены. Задыхаясь, она вдавила нос в пористые гнилушки и стиснула челюсти. Дышать стало легче.

Мертвая тишина поколебала уверенность охотника.

— Что за чертовщина? Неужели куницы в дупле нет? Небось, сидит сейчас где-нибудь в ветвях, насмехается. Либо вообще ушла грядой. Да не должна бы — Актабан не зевнет. Хотя вчера вон как оплошал, — гадал он, совершенно сбитый с толку.

Устав стоять на вертлявой лестнице, охотник слез передохнуть. Собрал хворост, наладил костерок, заварил крепкий душистый чай и, отхлебывая его крохотными глотками, то и дело поглядывал на солнце. Проводить вторую ночь у нодьи* ему не хотелось. В тайгу он пошел только на разведку, чтобы определить, в какой стороне нынче держится белка. Но Актабан, облаивая их одну

---

* *Нодья* — особый костер для зимней ночевки. Делается из 2-3 сухих хвойных стволов, уложенных один над другим.

за другой, увел хозяина за перевал, а вот сегодня карты спутала куница...

— Да чего ради морозиться понапрасну? Нижний ход забью. Если куница в дупле, то рукавчик не даст ей уйти — спеленает намертво. Переночую дома, а завтра сюда к обеду с палаткой, печуркой и продуктами на пару недель белковать вернусь, — убеждал себя охотник, незаметно собираясь.

Лайка недоуменно наблюдала за хозяином и ни в какую не хотела идти следом. Он вынужден был вернуться к сосне и взять упиравшегося Актабана на поводок.

Едва ли они успели пройти и треть пути, как налетел шквальный ветер, утопив все в снежной мгле. К ночи вьюга разыгралась в полную силу. Закачалась, застонала тайга. Хлесткие, напористые порывы ветра срывали с деревьев улежавшиеся снежные глыбы. Одна из них по воле случая угодила в рукавчик и сместила деревянное кольцо.

Смышленая узница протиснулась в образовавшуюся щель и покинула осажденную крепость.

Морозный воздух, снежная круговерть быстро взбодрили ее. Маха нашла буреломный отвал и в затишке повалялась в снегу, очищая прокоптившуюся и пропахшую дымом шубку. Инстинкт и горький опыт подсказывали, что оставаться в этом лесу опасно.

Перебиваясь в дороге случайной пищей, снова и снова взбираясь на скалы, ныряя в распад-

ки, беглянка достигла высоких, мощных хребтов и углубилась в молчаливый сумрак перестойных ельников.

Облюбовав межгорное урочище, изобиловавшее белками и рябчиками, Маха обследовала участок и, убедившись, что он свободен, застолбила запаховыми метками свою новую вотчину...

Однообразно потекли студеные дни. Порой казалось, что тайга вымерла. Лишь резкий скрежет сойки, гулкое постукивание работяги дятла да неожиданные выстрелы лопающихся от мороза деревьев нарушали стылое безмолвие.

Промерзшие горы тянули заиндевевшие вершины в поднебесную высь, поближе к солнцу, но и там не находили тепла.

Глубина снежного покрова позволяла кунице ночевать в пустотах под сугробами: в них теплее и в случае опасности всегда можно уйти от преследователей снежным тоннелем.

Пробежки по пушистой перине утомляли маленькую хищницу, и, обегая как-то раз свои владения, Маха воспользовалась попутной лосиной тропой. Местами следы широко разбредались — это лоси глодали кору деревьев, обкусывали кончики веток редкой здесь осины, поедали пряди лишайников, отдыхали прямо в снегу, оставляя после себя овальные лежки с чуть обледенелыми стенками, хранящими примерзшие бурые шерстинки. Потом следы вновь сливались в одну тропу и вели к изголовью короткого ложка, откуда,

несмотря на мороз, дымящимся родничком вытекала рыжеватая струйка воды, обрамленная серой глиной с белым налетом соли, перемешанной множеством копыт. Со дна вылизанных лосями углублений, глухо шипя, выбивалась охристая жижа, вскипавшая время от времени пузырчатыми кругами. Полизав солоноватую накипь, Маха направилась к устью лога, где возбужденно шныряли сойки. Гребни сугробов вокруг были сплошь исчирканы копытами, в воздухе витал волнующий запах крови. Куничка закрутилась по лесу и в примятых зарослях нашла растерзанную волчьей стаей лосиху.

Маха обошла полусъеденную тушу и, воровски озираясь, с жадностью набросилась на прихваченное морозом мясо. Постоловавшись, залегла неподалеку, рассчитывая надолго освободиться от забот о пропитании, но вернувшаяся среди ночи стая волков нарушила ее планы. К утру от лосихи остались только обглоданные кости, да и то только самые крупные.

4

Долго тянется зима, но и у нее есть конец. Весна, словно извиняясь за свою медлительность, дружно и бесповоротно вступила в свои права. Запылавшее жарким костром солнце наполнило промороженное дно долины живительными волнами тепла.

Под напором пробудившихся жизненных соков лес быстро преображался. Почки набухли, кроны загустели. На южных склонах заржавели первые приствольные круги. Съежившиеся снега плавились, насыщались влагой. Однако ночью отяжелевшие кристаллы вновь спаивались морозом, образуя прочный наст.

Для копытных и боровой дичи наступила самая тяжелая пора. Олени, проваливаясь сквозь наст, резали голени об его острые кромки. Птицы, ночевавшие под снегом, по утрам с великим трудом пробивали обледенелую корку. Особенно доставалось самым мелким из них — рябчикам и куропаткам. Тетерева, а тем более глухари, страдали меньше.

Зато волки и рыси благоденствовали. Для них пришло время долгожданного пиршества. Больше всех лютовали оголодавшие за зиму серые разбойники. В приступах необузданной жадности они без меры резали косуль и стельных лосих. К счастью, эта ужасная пора непродолжительна.

Все увереннее гремели ручьи. Быстро таяли, обрастая накопившимся за зиму лесным мусором, ноздреватые сугробы. На солнцепеках появились и стремительно разрастались обширные проталины, покрытые шершавой коростой из спрессованных за зиму листьев, травы и хвои. Местами земля бугрилась прожилками ходов землероек и свежими кротовыми холмиками.

На рассвете Маху дразнили булькающие звуки тетеревиных песен. Краснобровые петухи,

горделиво выпячивая иссиня-черную грудь, распушив лирообразный хвост, демонстрировали на обсохших полянах свою силу и удаль. Наиболее воинственные, хлопая крыльями, наскакивали на соперников, гонялись друг за другом. Но, несмотря на турнирный экстаз и стремление привлечь внимание тетерок, они были достаточно бдительны и Маху близко не подпускали.

Днем в единственную здесь березовую рощу слетались дятлы. Они пили из специально пробитых в коре дырочек сладкий сок. Махе он тоже пришелся по вкусу, и она охотно припадала к источнику сочащейся влаги, чтобы утолить жажду и подкрепиться.

Каждый уголок леса наполнялся жизнью. Зашелестели клейкой листвой деревья. Шелковистая травка покрыла склоны бархатисто-изумрудным ковром. Зацвела черемуха, за ней — рябина, калина. Незаметно весна перешла в лето.

Мало-помалу стихали брачные песни птиц. Смолкли трели обремененного семейными заботами зяблика. Почти каждый день после полудня над тайгой вызревали между двух хребтов темно-лиловые тучи. Жизнь в урочище перед грозой замирала; томительное напряжение росло; духота сгущалась, становилась невыносимой. Какое-то невидимое парализующее поле пронизывало все живое. Наконец из непроницаемо-черных туч срывался к земле тугой, ослепительный сноп света, на мгновенье озарявший притихшую долину

белым сиянием. И вновь воцарялся полумрак. Затем оглушительный треск раскалывал пространство, сотрясая каменные отроги. Отдыхавший за спиной хребта ветер пробуждался и врывался в долину. Следом из разом прохудившихся небес низвергался на еще не успевшую подсохнуть землю очередной щедрый ливень.

По утрам, обласканная солнцем, земля дымилась влажными испарениями. Свежо пахло листвой и хвоей. Тучные травы мешали бегать. Маха, мокрая от росы, то и дело брезгливо отряхивалась и спешила перебраться в продуваемый ветерком верхний ярус леса, где, распластавшись на теплой коре толстой ветви, беспечно дремала до следующего ливня, от которого спасалась в дупле или под многослойным пологом ближайшего елового шатра. Там всегда было сухо, а иной раз даже удавалось добыть спрятавшуюся от дождя пичугу. Если верховая охота завершалась неудачей, то куница все же спускалась вниз и, забравшись на корягу или пень, терпеливо снося укусы мошек, назойливо лезших в нос и уши, караулила коротколапых кротов, выбиравшихся из-под земли за дождевыми червями. Ее упорство неизменно вознаграждалось вкусным обедом.

Иногда Маха спускалась вдоль набухшего ручья к реке, где ловила увлеченных базарной болтовней лягушек. Около неглубоких заливов куница частенько видела лосей с неуклюжими телятами на ногах-ходулях. Они паслись на

обильном разнотравье, отдавая предпочтение иван-чаю.

Взрослые лоси с удовольствием заходили в заводи и бродили по брюхо в воде. Отщипнув пучок водорослей, они вскидывали головы, с наслаждением отфыркивались от стекавшей по горбоносым мордам воды и хрумкали сочные стебли.

Как-то, безуспешно прогонявшись по деревьям за белкой, раздраженная падением с мокрых ветвей, Маха отдыхала на узкой надпойменной террасе. Снизу донёсся невнятный стук. Навострив подвижные ушки, куница мелкими шагами прошла по полуистлевшему стволу и мягко спрыгнула на обомшелый валун.

Впереди, под скалистым обнажением зияла узкая брешь. Из нее веяло холодом, а между камней струился ручеек. Прыгая по голышам, Маха проникла в мрачный каменный мешок, покрытый осклизлым черным налетом. Только гулкое эхо капели с невидимого свода нарушало тишину.

Настороженно оглядев влажно поблескивающие стены, таинственные ниши и щели, куница прошла дальше. Дно грота поднималось ступеньками. Вскоре дорогу загородил высокий известковый выступ, заплывший сверху ледяным козырьком, из которого торчала наполовину вытаявшая туша медведя. От падающих на Маху холодных капель её шубка отсырела, и куница, не найдя больше ничего интересного, поспешила на волю погреться и обсохнуть...

5

Минул еще один год, и снова наступило лето, третье в жизни лесной охотницы. Все это время Маха по-прежнему обитала в полюбившемся межгорном урочище, изученном ею до последнего кустика. По-прежнему бродила она в одиночестве, не встречаясь с другими куницами, — Маха хорошо помнила, как пара соплеменниц когда-то чуть не загрызла ее, изгоняя из своих владений.

Но вот однажды, теплой лунной ночью, Маха приметила бегущего за ней сородича-самца. Сначала она оробела. Птицей взлетела по стволу на вершину дерева. Самец последовал за нею. Но прошло то время, когда Маха чувствовала себя беззащитным существом. Куница не собиралась уступать свои владения без боя. Желая напугать преследователя, она свирепо оскалила пасть, сморщила нос и устрашающе зафыркала.

Обескураженный самец, имевший иные, самые добрые намерения и не ожидавший такого приема от очаровательной кунички, покорно спрыгнул вниз и, забравшись в траву, выжидающе вытянулся поодаль. Маха тем временем воспользовалась появлением тумана и ушла верхом в глубь тайги. Настойчивый незнакомец вновь разыскал ее и, почтительно соблюдая дистанцию, повсюду следовал за ней.

Между тем куница проголодалась. Разглядев мельтешивших среди деревьев зайчат, она, припадая к земле, неслышно подкралась. Зайчата, не

подозревая, какая опасность подстерегает их за кустом можжевельника, беспечно играя, приближались к засаде.

Не сдержавшись, Маха в преждевременном прыжке попыталась достать одного из них. Высоко вскидывая зады, косые рассыпались в разные стороны, и один из них угодил прямо в лапы настойчивого ухажера. Неудачник, пронзительно проверещав, стих. Облизнув окровавленную морду, самец приосанился и призывно зауркал, приглашая пленившую его куницу на трапезу. Оценив, наконец, галантность кавалера, Маха с нарочитой медлительностью приблизилась. Они обнюхали друг друга. Помолвка состоялась.

После совместного пиршества куница великодушно дозволила сопровождать себя. Ободренный самец, радостно размахивая хвостом, то с нежностью прижимался к ее боку, то, ластясь, терся головой о ее грудку. Такое непривычное обращение действовало на Маху возбуждающе. Она с наслаждением замирала от щекочущих прикосновений, щурила глазки. Игриво, только для вида, увертывалась, ворчала, но, охваченная неизъяснимым томлением, вновь замирала... Пришла пора брачных игр.

Когда любовные утехи наскучили, и Маху стал тяготить нежный ухажер, она бесцеремонно выставила его за пределы участка и вернулась к привычному уединенному образу жизни.

Поселившийся в соседнем распадке самец первое время регулярно навещал ее, но Маха не проявляла к нему прежней симпатии. Встречала неприветливо, а если он ненароком затягивал визит, решительно прогоняла...

6

Осень выдалась на редкость ненастной, холодной. Тайга, не просыхавшая все лето, теперь и вовсе потонула в сырости. На поверхности земли не осталось ни одного углубления, в котором не поблескивала бы вода. Над рекой и низинами пластался молочным разливом туман. Нудно, тоскливо шумел лес. По небу косматыми табунами нескончаемо тянулись свинцовые тучи.

Порывистый ветер безжалостно трепал, срывал листья. Опаленные первыми заморозками травы поникли.

Не уродились ни орехи, ни желуди, ни ягоды. Валом откатились на запад, за перевал, спасаясь от бескормицы, белки, улетели кедровки, сойки, кукушки, клесты. Еще раньше утянулись на юг перелетные караваны. Все живое покидало, обходило стороной бесплодный край. А Маха все не решалась последовать за белками туда, откуда она в свое время была изгнана. В довершение ко всему, в начале зимы после обильных снегопадов ночью случилась необыкновенная оттепель с дождем. К утру северный ветер принес столь резкое похолодание, что щедро политые снега схватились толстой ледяной коркой, навсегда замуровавшей большую часть боровой птицы в снежных спальнях.

Для Махи наступили тяжелые дни. Изредка ей удавалось поймать мышь, но мелкая добыча лишь распаляла аппетит.

В поисках пищи она забралась на гладкоствольную осину и высоко над землей приметила отверстие непривычной прямоугольной формы. Маха заглянула в него. Грозный хозяин квартиры — дятел-желна — не одобрил любопытства куницы и ударил ее клювом по голове.

Ошеломленная куница спустилась вниз и, съев несколько случайно уцелевших плодов шиповника, вспомнила про пещеру под высокой кручей, где она видела вмерзшего в лед медведя.

Как можно было забыть про этот склад мяса?! Там ведь его столько, что на год хватит!

Торопливо спустившись на памятную террасу, куница застыла от удивления. На месте высокой кручи темнел глубокий провал. Росшие когда-то тут деревья целиком исчезли в нем, и только их сомкнувшиеся макушки едва выглядывали из центра воронки. Не желая умирать, они поддерживали друг друга ветвями, а корнями цеплялись за разорванные пласты почвы.

Дотошно обследовав склоны провала, неровными ступеньками уходящими вниз, и не обнаружив ни одной лазейки в пещеру, Маха совсем приуныла.

Находясь в беспрестанном, но безуспешном поиске пищи, куница отощала. Мех потускнел, вытерся, местами слипся от смолы. Изменив своим привычкам, она все чаще рыскала по вымершей лесной пустыне днем. Пища, которой она прежде гнушалась, стала желанной.

Однажды, когда стало совсем невмоготу, охотнице посчастливилось найти под трухлявым пнем норку бурундука. Вытащив запиравшую вход моховую пробку и расширив где когтями, где зубами узкий проход, Маха добралась до опрятной, сухой кладовой с небольшим запасом орехов, семян и ягод, аккуратно сложенных в отдельные кучки.

Полосатый хозяин, разбуженный гулкой возней, возмущенно пища, метался по спальне и пытался выскочить на волю, но Маха закрывала собою проход. Бурундучок с отчаянной сме-

лостью, порожденной страхом, ринулся на грабительницу. Куница, оставив орехи на десерт, наградила смельчака смертоносным ударом и тут же съела его.

От забытой сытости по телу разлилась дремотная истома. Маха проспала больше суток, а проснувшись, доела скудные запасы кладовой. Однако, через пару дней голод с новой силой напомнил о себе и в который раз погнал куницу к парящему истоку ручья, где в окружении кустов, сверкавших ежиками густой изморози, до сих пор держались утки.

Сидевшие на сахарных закраинах льда птицы были начеку. Они успели отплыть на середину курящейся белыми завитками пропарины и крикливо насмехались над незадачливой охотницей. Маха раздосадовано фыркнула и, не солоно хлебавши, побежала прочь.

Иногда ее выручали личинки короедов, златок, усачей. Она умудрялась добывать их из-под трухлявой коры елей. После одного из таких скудных завтраков Маха, гонимая голодом, перешла через седловину и вышла на противоположный склон горы, поросшей высокоствольным лесом.

Спускаясь по нему, сначала услышала, а потом и увидела между деревьев дерущихся зверей: крупный голенастый лось бился насмерть с медведем-шатуном. Они кругами ходили друг против друга. Косолапый устрашающе ревел. Из широко раздутых ноздрей с шумом вырывался пар.

Мосластый шатун все пытался зайти сбоку, но лось, понимая, чем это ему грозит, тут же разворачивался навстречу, стремясь в свою очередь нанести удар копытом.

Медведь ловко уворачивался и одновременно загребал широкой когтистой лапой, пытаясь распороть сохатому брюхо. Бесконечные атаки измотали обоих, но успеха никому не принесли.

Внезапно шатун изменил тактику; попятился назад и, скрывая свой хитроумный замысел, тяжело дыша, привалился лохматой глыбой к дереву. Поддавшись на уловку, лось повернулся, чтобы бежать. В то же мгновенье коварный медведь одним прыжком настиг его. Лось встал на дыбы и метнулся в сторону, но шатун успел мощным ударом лапы сломать ему позвоночник, решив исход поединка в свою пользу.

Удостоверившись, что лось мертв, взъерошенный победитель не сразу подошел к добыче: протяжно вздыхая, остывал от схватки.

Ел он долго и жадно, не обращая на происходящее вокруг ни малейшего внимания. Набив желудок, косолапый затащил остатки туши в бурелом и залег тут же.

Маха несколько раз посещала это место в надежде поживиться. Однако шатун так и не ушел, пока не съел всю тушу без остатка, разбросав вокруг лишь острые раздвоенные копыта да добела обглоданные челюсти.

От голода куница постоянно мерзла, не согреваясь даже в покинутых беличьих квартирах. От

длительного недоедания у нее кружилась голова, выворачивало внутренности. Однажды Махе, забывшейся коротким сном, зримо привиделся просторный, полный бурной, радостной жизни сосновый бор. Бор, где она родилась, где ей были неведомы голод, холод, а в говорливом ручье текла самая вкусная на свете вода. Днем и ночью это видение стало преследовать ее.

Стоило Махе лишь задремать, как снова представлялся родной бор, кишащий рябчиками и белками. Она ловит их, безостановочно ест и никак не может наесться. Наконец настал миг, когда какая-то неподвластная ей сила неудержимо погнала-таки ее к родному урочищу.

Поднявшись на взгорье, куница свернула на юг и устремилась к заветной цели. В предрассветный час она чуть не столкнулась с рысью, выплывшей, словно привидение, из запаленной восходящим солнцем изморози. Куница попятилась и бесшумно исчезла в зарослях, но поджарая кошка приметила ее и кинулась вдогонку. Маха немедля взлетела по шершавому стволу на ель и, перемахивая с ветки на ветку, благополучно ушла от преследования.

В пути кунице пришлось преодолеть немало щетинистых круч, ниспадавших с гор бугристых ледопадов и непролазных чащоб, прежде чем ее взору с высокого отрога открылись знакомые очертания. Радость наполнила сердце скиталицы. Все веселей, уверенней бежала она по заснеженной тайге. Достигнув последней водораздельной

гряды, куница вскарабкалась на одиноко стоящую сухую ель, растопырившую сучья, словно костлявые руки, и оторопела.

Перед ней, далеко внизу, повторяя изгибы ручья, чернела прокопченная жилка лесовозной дороги. На пологом склоне, там, где простирался столь желанный заповедный бор, была пустошь, покрытая золотистыми спилами пней, и только вдалеке зеленели сосны.

Спустившись с горной кручи и быстро перебежав пропахшую соляркой дорогу, Маха с надеждой направилась через вырубки к темнеющему вдали лесу.

С каждым прыжком остаток бора надвигался непроглядной стеной, увеличивался в размерах и был уже не таким крошечным, как показалось Махе с макушки ели. А когда оттуда донесся задорный посвист рябчика с короткой трелькой в конце, она и вовсе воспряла духом.

Но непродолжительной была ее радость. Привычную тишину зимней тайги нарушило звонкое

потрескивание заведенной мотопилы. Мерное тарахтение зачастило, перешло в докучливое осиное жужжание. Вскоре мохнатая крона крайней сосны качнулась, и вековое дерево с густым шумом рухнуло, подняв патлатыми ветвями облако снежной пыли.

Со стороны ручья послышался надсадный рёв. Это полз за новыми хлыстами* мощный лесовоз. На родине Махи хозяйничали лесорубы.

Сделав полукруг, куница перешла на западный склон. Здесь снежный покров сверкал девственной белизной и прельщал обилием беличьих кормовых тропок, лунками ночевавших рябцов. А возле поваленных ветром осин хрусткая простыня была утрамбована заячьими лапками и усеяна коричневыми орешками помета.

Пройдясь по свежим беличьим следам, тянувшимся по косогору, Маха вскоре увидела и саму прыгунью, занятую раскопкой старых запасов. Белка тревожно зацокала, но не успела даже заскочить на дерево.

Впервые за много дней куница наелась до отвала. Сердце у нее отмякло, ушло беспокойство. Бельчатина основательно подкрепила силы странницы, и она легко обежала остатки родовых владений.

Повсюду Маха натыкалась на смрадные лесовозные дороги, запустившие свои щупальца почти до перевальных хребтов, отовсюду доносился

---

* *Хлыст* — ствол дерева, очищенный от веток.

гул моторов. Отступавшая под натиском мотопил и могучих тракторов тайга с высоты водораздельной гряды была похожа на шахматную доску: темные острова леса чередовались с белыми полями сплошных вырубок, изъеденных оспинами пней.

Только в стороне Большого хребта, откуда пришла Маха, лес упрямо топорщился нетронутым коренным древостоем, но возвращаться в эти опустевшие от бескормья крепи куница не желала.

Смирившись с близостью рокочущих машин и людей, она обосновалась в истоках ручья, возле скал, изукрашенных накипью лишайников. Выбор Маха сделала удачно — это место оказалось заказником.

7

Незаметно для себя куница свыклась с шумными соседями. Ночью, во время длительных прогулок, люди ее не беспокоили, а днем она отдыхала в потаенных убежищах.

Пробегая как-то в середине зимы по лесу, Маха увидела строчку лисьих следов. Поначалу она не придала им особого значения. Только отметила про себя, что лисья стежка, обычно ровная и опрятная, как-то странно виляет. Но, обнаружив метров через двадцать вторую подряд лежку, насторожилась. Оглядев следы внимательней, куница определила, что лиса почему-то передвигается с трудом.

Маха потрусила по следу и почти сразу обнаружила горящую факелом лису-огневку. Пользуясь прикрытием выворотня, куница опасливо приблизилась к ткнувшейся мордой в снег кумушке и замерла, не сводя с нее оценивающего взгляда. Отрывисто уркнула — лиса не шелохнулась. Тусклые, полуоткрытые глаза ничего не выражали. Даже пышный мех не мог скрыть ее немощи.

Куница смекнула, что рыжая настолько слаба, что не в силах даже стоять. Глаза Махи загорелись: как и всякий проголодавшийся хищник,

она не могла упустить возможности сытно перекусить.

Дрожа от возбуждения и дивясь собственной дерзости, куница прыгнула на лису и впилась ей в горло. Та жалобно застонала. Вяло отбиваясь, попыталась встать, но лапы предательски подогнулись. Маха почти без борьбы завладела неожиданно богатым трофеем. Надолго обеспеченная мясом, она отъелась, набралась сил, и у нее пробудилась потребность к странствиям, которая и завела нашу путешественницу в долину ручья, прижавшегося к скалистому кряжу, изрезанному узкими расщелинами.

У его подножия, на старой делянке, среди мелколесья, чудом сохранился островок могучих сосен. У корней медных колонн были вырезаны какие-то наполовину заплывшие смолой знаки.

Обследовав деревья поочередно, Маха обнаружила, что наверху ко многим стволам плотно привязано корье. Это обстоятельство заинтересовало ее, а когда она взобралась на последнее, то почуяла, что из-под «заплатки» сочится аромат, от которого любая куница теряет покой.

Не раздумывая, она принялась грызть кору слой за слоем. Работа продвигалась медленно, но к утру проклюнулась дырочка, пахнувшая густым медовым духом. Теперь куница не сомневалась, что в дупле ее ожидает самое восхитительное на свете лакомство. Маха даже зажмурилась от удовольствия. Беспрестанно глотая слюну, воодушевленная добытчица расширила отверстие,

освободила канал от утепляющей прокладки из березовых веников и с жадностью набросилась на душистые соты.

Мед был густой, прозрачный. Маха с наслаждением отрывала переливчатые янтарные тянучки и проглатывала вместе с оцепеневшими пчелами. Наевшись до дурноты, разбойница не захотела покидать сладкую борть, опасаясь, что кто-нибудь другой воспользуется найденным ею кладом. Утолив жажду лежащим на сучьях снегом, лакомка нагребла под себя березовые листья с веников и, вдыхая пьянящий аромат, уснула.

И надо было случиться так, что в это самое время делал объезд своей лесной пасеки ее хозяин. Увидев под сосной кусочки коры и развеянные ветром листья, он сразу понял, что борть ограблена. Сокрушенно причитая, обошел ствол и по следам определил, что на пасеке хозяйничала куница. Дабы спасти свои борти от полного разорения, пчеловод решил изловить воровку.

Разбуженная чирканьем лыж, Маха осторожно выглянула и увидела, что под деревом топчется человек. Это несколько обеспокоило ее, но вскоре шаги удалились, и куница, уже притерпевшаяся к соседству людей, осталась спать на своем духовитом ложе.

Расстроенный пасечник, убедившись, что на остальных соснах борти пока не тронуты, ушел в деревню, а поутру вернулся со связкой ловушек. Срубив длинную жердь, прикрутил к ней проволокой настороженный капкан и приставил его к ство-

лу таким образом, чтобы его тарелочка оказалась точно напротив темневшего отверстия. Сочтя этого недостаточным, нагреб внизу снежную «хатку», положил в нее добрый кусок мяса, а у входа насторожил второй капкан. Вокруг «хатки» раскидал для верности еще и накроху из гусиных потрохов.

Маха слышала, что к ее убежищу вновь подходил человек и возился в этот раз довольно долго. Теперь она не на шутку всполошилась, ибо понимала, что тот зачастил неспроста. Не высовываясь из дупла, куница настороженно прислушивалась к каждому звуку и, когда выход накрыла смутная тень, в ужасе сжалась. Но немного погодя послышался удаляющийся скрип лыж, и все стихло. Маха перевела дух. Через пару часов вовсе успокоилась и попыталась выбраться. Но что это?

Выход загораживал черный кружок, противно попахивающий железом и человеком.

Долго не решалась куница прикоснуться к подозрительному предмету, пахнущему смертью. Вновь и вновь обнюхивала его. Напряглась до болезненности, вслушиваясь в малейшие шорохи, но подвижные уши улавливали только невнятный шепот ветра в густой кроне сосны.

От сладкого Маху мучила жажда, и соблазнительная близость снега в конце концов заставила превозмочь боязнь. Все еще колеблясь, она намерилась тихонько отодвинуть кружок в сторону с тем, чтобы увеличить щель и выйти, но едва коснулась коварной тарелочки, как острая боль пронзила лапку, растеклась огнем по всему телу.

Маха отпрянула было назад, но стальные челюсти держали мертвой хваткой. Превозмогая мечущуюся по телу боль, она бросилась на «врага». Яростно рвала, грызла ловушку клыками, но эмаль на зубах только крошилась о неподатливую сталь. Дужки держали крепко, а тарелочка и сторожок, болтаясь из стороны в сторону, лишь бесстрастно звякали.

В попытках освободиться прошло несколько часов. Солнце провалилось за гребень хребта. Мороз усиливался. Пережатые пальцы деревенели, и боль незаметно отступала. От беспрестанных рывков и подергиваний кожа и сухожилия размочалились. Маха перекусила остатками клыков бесчувственные ткани и освободилась, наконец, от ненавистной железяки.

Не обращая внимания на рану, она принялась разгребать листву, перегрызать веточки, чтобы докопаться до подошвы борти, а докопавшись, стала спешно грызть пластырь, преграждающий путь к свободе. Работала без отдыха, словно догадываясь, что времени ей отпущено мало, и если к утру не покинуть эту западню, то случится непоправимое.

Вот уже загорелась на востоке малиновая заря, ударили первые лучи солнца.

С не меньшей поспешностью шел к сосне бортник, мечтавший не только оградить своих пчел-кормильцев от разбоя, но и добыть ценную шкурку.

Приближаясь к приметному месту, он еще издали увидел, что его труды не напрасны — ло-

вушка сработала! Сердце распирало от гордости и восторга. Ему уже чудилось сияние меха дивной красоты. Но, подойдя ближе и приглядевшись внимательней, он был озадачен появлением у нижнего края пластыря второго отверстия. Это открытие кольнуло бортника неясной, болезненной догадкой.

Все еще не теряя надежды, он обежал сосну и увидел на снегу парные следы с алыми пятнышками крови. Сладостные минуты ожидания знатной добычи сменились горьким разочарованием.

За зиму пчеловод, обходя разбросанные в окрестных лесах борти, еще не единожды наведывался к пострадавшей сосне в расчете встретить следы воришки, но напрасно. Куница больше не появлялась.

8

Насмерть перепуганная Маха, припадая на поврежденную лапу, долго бежала через большие и малые речушки. Поднималась по крутым распадкам в горы, спускалась в заснеженные долины. Сторонясь дорог, санных путей и лыжных проходов, она уходила все дальше и дальше от злосчастного места. Чем дремучей, непроходимей становилась тайга, чем выше вздымались беловерхие горы, тем свободней и уверенней чувствовала себя куница.

Наконец она достигла рубежа лесов, раскинувшихся на крутых отрогах Дальнего хребта.

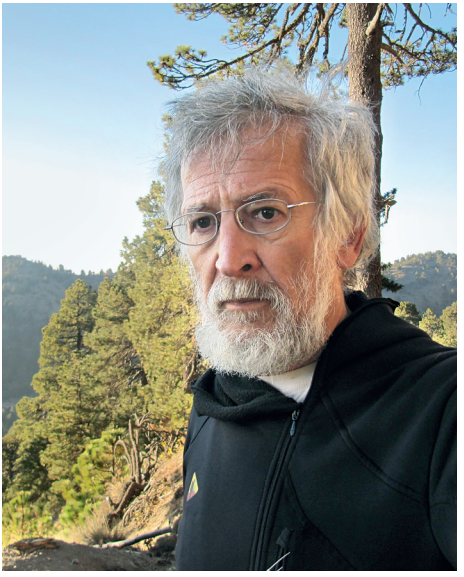
Белые грани его вершин оживляли сумрачную, обомшелую хвойную чащу. Недоступные для людей дебри надежно укрыли беглянку.

Тишина, настоянный на хвое воздух, нетронутый, первозданный лес — как радостно ощущать все это после враждебного мира грязных, вонючих дорог, чихающих дымом железных чудищ и вездесущих людей.

Здесь, вдали от человеческого жилья, в плотной кроне покореженной временем ели Маха отыскала покинутое беличье гнездо-гайно — и надолго обосновалась в круглой теплой каморке — она готовилась стать матерью.

Чем встретит окружающий мир ее детей?

ОБ АВТОРЕ

Зиганшин Камиль Фарухшинович родился 15 марта 1950 года в поселке Кандры Туймазинского района Башкирии. Писатель, путешественник, Заслуженный работник культуры РФ и РБ, член правления Союза писателей России, председатель Башкирского отделения Русского географического общества.

Автор книг «Щедрый Буге», «Маха или история жизни кунички», «Боцман», «Таёжные истории», «Возвращение росомахи», «Скитники», «Золото Алдана», «От Аляски до Эквадора», «На обратной стороне Земли».

Его творчество отмечено многими премиями, в том числе Большой литературной премией России и Государственными премиями имени Ивана Гончарова и Салавата Юлаева.

Женат, отец пятерых детей.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

12+

Литературно-художественное издание

Зиганшин Камиль Фарухшинович

МАХА ИЛИ ИСТОРИЯ ЖИЗНИ КУНИЧКИ

В авторской редакции.
E-mail: ziganshin_kamil@mail.ru

Художник *Билалова Сулпан Билаловна*

Технический редактор *Андреева О.В.*
Корректор *Сергеева А.Т.*

Подписано к печати 14.12.2018. Формат издания 60х90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Балтика». Усл. печ. л. 4. Тираж 1000 экз.

ООО «Престиж Бук». Генеральный директор А.С. Артенян.
111141, Москва,1-й проезд Перова Поля, д .11а.
E-mail: artyr57@mail.ru

Отпечатано с предоставленных файлов
в АО «Первая образцовая типография», филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ».
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14